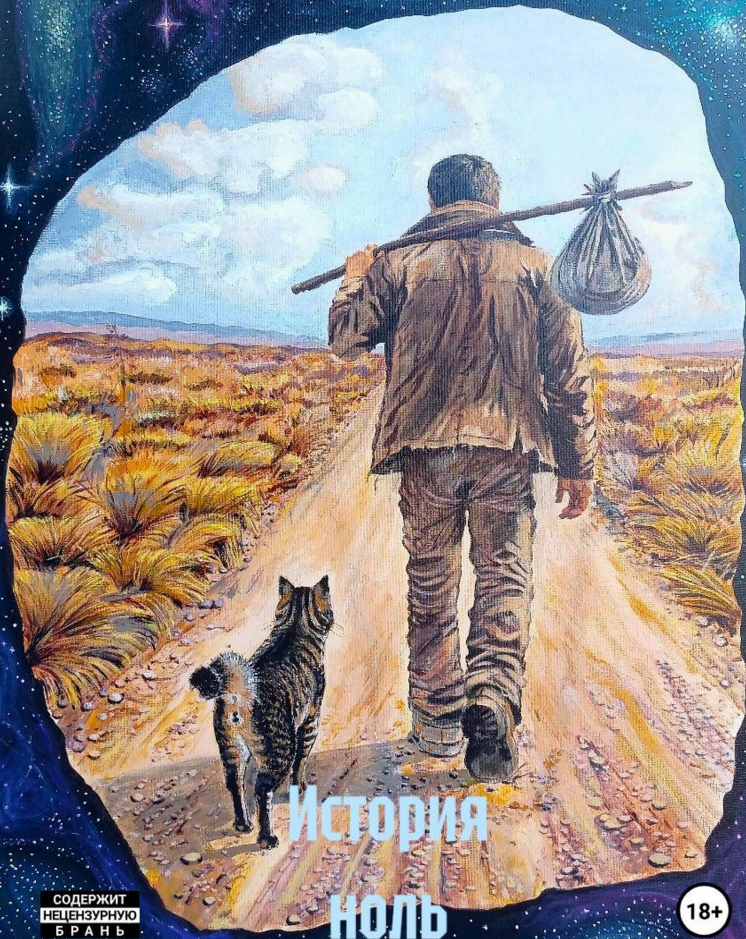


Александр Кувшинов



СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Кувшинов

История ноль

<https://litres.ru/74172459>

SelfPub; 2026

Аннотация

"История ноль" предлагает вниманию читателя живой контекст размышлений - о мире, человеке, времени и жизни. Эта книга - сплав различных жанров: мистическая поэзия, философская проза, автобиографический роман. Автор, отдавая дань своим дорогим предшественникам: Лао Цзы, Александру Введенскому, учителям чань-буддизма, продолжает разговор с читателем на свой манер.: разрушая линейность смысла, создавая переливающуюся многомерность повествования о невыразимом: об истине, отваге и красоте.

Содержание

Как бы повесть	4
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Кувшинов

История ноль

Как бы повесть

*На дне души, средь редких капель,
Горит огонь великой тьмы.
Он шепчет молча слово-кратер,
Ведущий в недра той горы,
Что ждет, стоит и мерно дышит
В просторе космоса немом.
Крупинки смысла жадно ищет,
Рукой сметая мира сор.*

Глава 1

Что, если все, что я вижу, знаю и понимаю, просто картинка – один из бесчисленных вариантов складывания разноцветных стеклышек в калейдоскопе бытия?

Задаваться подобными вопросами, не двигаясь вдоль оси конструирования кадра жизни, бесполезно. В чем же заключается подобное движение и как оно происходит? – вот в чем вопрос. Известно, что даже сильная жизненная встряска ни к чему не ведет. Рассыпавшаяся было схема сборки привычного мира восстанавливается, как ни в чем ни бывало, лишь добавляя глупости еще один разноцветный камешек. Сквозь который так мило смотреть на обои, бабушкин ковер и репродукцию картины «Иван Грозный убивает собственного сына». Уж который век убивает, все никак не убьет.

Каким образом мышление сдвигается с мертвой точки? Никто не знает. Известно лишь то, что нужно пытаться, любыми способами, рано или поздно, что-то сработает, и закорюзлые колеса древнего поезда заскрипят и повернутся на долю миллиметра вдоль пути длиной в десять тысяч ли, другими словами, длиной в бесконечность.

Конца истории нет, как и ее начала. То, что можно историей назвать, появляется лишь с ее «началом» и «концом». Где их поставишь, такую историю они и создадут. Если рассказывать историю человека, начало и конец можно ставить

в любом месте — даже когда этого человека еще и на свете не было. В любом случае, фокус уже наведен и в его свете появляется герой.

Живая волна, размазанная по бесконечностям бесконечности, сновидит себя и так, и эдак. Собирает фигурку, внутри которой пружиной хранится сжатая история, вся целиком, от начала до конца.

Время, а также память — это ось истории, ее нить. Как-то раз, давным-давно, лет сорок назад, я лег спать. Как обычно. Но то, куда я провалился, заснув, оказалось необычным сном. Это была целая жизнь, лет 70, наверное. Я играл ребенком в траве нагорий, учился скакать на лошади, орудовать мечом, читать и драться. Рассказать это невозможно сейчас, глядя из точки текущей истории. Для полноценного рассказа необходимо провалиться туда вновь. Что ж, попробуем.

Мясо торговых рядов, покрытое тучами небо, воздух, совсем другой воздух, пахнувший по-другому, окрашивающий в иные цвета. Земля, много земли — покрытой травой, чавкающей грязью, земля на лицах, ладонях, одежде, овощах, колесах, копытах коней. Камень гор, вздымающийся выше и выше. Камень строений, домов, башен, стен. Деревья, дерево кровли, столов и стульев, оглобли, забор, дрова.

Закопченные стены, копать как неотъемлемая приправа повседневности. На одежде, руках, языке. Живой огонь. Чтобы согреться, приготовить еду, осветить.

Живой говор. Язык перекачивается, как камешки во рту. Речь похожа не течение жидкой земли – от одного лица к другому. Рокот труб, которые возвещают нечто важное – праздник, войну, карнавал. Шарканье сотен ног – по камню, по грязи, по зеленой траве.

Топот ног по ступеням – это спешат всадники, нет – вестники – глав истории. А сама история катится клубочком – от детства к отрочеству, от мира к войне. А за ними – пиры, горе, брак, рождение детей. Когда скачешь во весь опор по дороге, деревья за обочиной машут ветвями, звезды летят назад, а луна – бешеным оком кричит: «ПЛЕМЯ!!!!!!!!!!!! КРОВИЩА ПАМЯТИ!!!! ОГОНЬ!!!». И глаза, глаза без конца и края – старые, молодые, глаза женщин, детей и мужчин, стариков и псов, глаза коров, баранов, лисиц, глаза орла, глаза пажити, глаза горной реки, глаза моря.

Однажды я добрался до моря. Сошел с коня, подошел и, наклонившись, зачерпнул ладонью. Соленый запах водорослей передал привет из другой истории, про океан и соленые брызги, и песок. Про лучи солнца, играющие в бликах волн. Про золото на голубом, всё в огненных пятнах.

Соленый ветер соединяет со светом, а свет – мгновенный мост через тысячелетия и расстояния – в миллионы, мириады световых лет. Быть туманностью, что разноцветно мерцает в инфракрасном диапазоне, развесивши свои тела в бездонной черной темноте. Простор пустоты – где от частицы до частицы – лететь и лететь свету. Пасть черноты как

возможность свету быть, летя, пронзая, сшивая черные провалы. Света полет формирует нити. Нити звездного света. Вся чернота пронизана ими, как кристалл. Непредставимо огромный алмаз – 2 миллиона световых лет в поперечнике, сотканный из неисчислимых граней летящего света, где бездонная чернота позволяет сиянию обрести глубину, невесомо прекрасную доблесть и честь. Всё это звучит, играет, поет. Музыка алмаза пропасти, ах, если бы вы только могли услышать ее хоть на миг! Полной грудью вдыхая соленый ветер моря, я слышу ее отголоски. Ее чарующее эхо. Ее язык. Он говорит обо всем – его песни – тысячи текстов и книг. Его созвучия – все симфонии мира целиком. Его великолепие – звезды тысяч галактик, салютов, сердец. Сияние мириад глаз. Глаз, в которых – вся карма мира, все битвы, вся кровь, слезы и смех.

Твои глаза светятся светом. Из глаз твоих льется мир – свет подобен потоку рождений и смертей, потоку жизни, что животворит. Когда ты смотришь на облако, дерево, дорогу, дверь магазина, представь, что не они отражаются в твоих зрачках, но из глаз твоих льется живой свет, который, проходя через оптику разума, подобно свету кинопроектора, творит живое кино, в котором – и облака, и горы, и деревья, и двери, и люди, и колбаса. Живой свет создает форму себя, чтобы видеть, играть, творить и убивать, восхищаться и растаптывать, трогать и взрывать, косить и сеять, быть так, эдак, морем, космосом, пылью, вешалкой, землей, муравьями, ле-

сом, облаком, говорящим человеком, кричащим младенцем, ледяным демоном, черной дырой, богом солнца, галактикой, тьмой.

В том давнем, сорокалетназаднем ночном мире все происходило долго и посекудно, так же, как происходит обычный день – жизнь состоит не из памятных дат и ярких моментов, но из непрерывного сейчас, растянутого в вечность, сейчас, текущего изо дня в ночь, из лета в осень, из молодости в зрелость, из старости в смерть. Долгое, долгое сейчас: один год, два, десять, пятьдесят, семьдесят. Конечно, точных цифр там не было, так, ощущение – длинной целостной жизни. Которая закончилась, конечно, в какой-то момент. Сейчас я задаю простой вопрос: «А как я видел всю эту жизнь? Изнутри или как бы со стороны, как фильм?». Мне кажется, и так, и эдак. Возможно, взгляд со стороны возникает при изложении истории, когда ты достаешь ее из головы, кадр за кадром, как мы вспоминаем прожитый день или события давних лет.

Несомненно одно: я видел не только собственную жизнь, но и смерть, на которой присутствовали друзья и родные, и последнее, что я помню – это стук комьев земли о крышку гроба и – темнота.

Когда я проснулся... (память услужливо подсказывает: после кадра с комьями земли и скорбящими родственниками у раскрытой могилы, но, на самом деле, это лишь один из бесчисленных вариантов прочтения текста). Когда я

проснулся, я долго не мог прийти в себя. И, опять-таки, какой текст может дать хотя бы край намек на подобное переживание?

Оцепенение. Невероятность. Только что я был старым, умирающим, а потом – мертвым. Смерть. Что это? Это похоже на неподвижность странного сна. Сон, который никак не проходит, а заглатывает глубже и глубже. Цепенеешь, а потом – теряешь сознание. Когда приходишь в себя, совершенно не помнишь, что было между смертью и пробуждением. Может, этот кусок вынут из головы, точнее, в нее не вставлен, и потому это выглядит так: момент-умирание, момент-смерть-оцепенение, момент-стук земли о крышку гроба, момент-пробуждение. И вот, пробудившись, я лежу и совершенно ничего не понимаю. Ну, да, понимание, слава тебе, господи, выключилось, куда уж там ему. Ощущение, что меня, как живого котеночка вынули из одной жизни, а когда она закончилась, быстро засунули в другую, причем, уже с историей. Новая жизнь началась как бы с паузы, вот только возникает вопрос: а то, что было до паузы, все-таки было или просто записано в памяти? А нет никакой разницы.

Ни-ка-кой. И не может быть.

Что значит: «события прошлого (рождение, детство, школа, игра) были такие-то и такие-то?». Это значит, помимо памяти об этих событиях, есть рассказы свидетелей и документальные свидетельства. Как если б мы снимали фильм, а в качестве доказательства реальности происходящего, исполь-

зовали бы показания актеров, читающих текст сценария, и фото- и видеоматериалы, предоставленные помощником режиссера.

Тут главное – это чувство котеночка, в нем вся суть. Все остальное – так, болтовня ни о чем. А вот котенок – это да. Это правда, живая, дрожащая от сквозняка неведомого, что подул вдруг из ниоткуда. Покуда дрожащий комочек облачен в мясо мужчины – или женщины, он очень даже и не дрожит, поскольку некогда. Дел масса. Одно, другое, третье, – дела валяются потоком, как из рога изобилия, возникают из сейчас, одно за другим, а иногда даже кучей, так, что не знаешь, за какое из них хвататься. И только оцепенение смерти вынимает – медленно-медленно, секунда за секундой – из объятий этого чрезмерного изобилия взыскующих событий. И внимание, как невидимый взгляд, расправляется, утыкаясь в ничто, пустоту. Из рога которой больше ничто не выпрыгивает и не охватывает собой.

Смерть, повторяю, это странный, ни на что не похожий сон. И то, что в нем начинает сниться, не похоже на обычные сновидения. Сцены смерти – это не просто сны – это яростный огонь, горящий безумием страсти, охватывающий пламенем голый комочек котеночка так, что усрать можно. От страха, восторга и прочего ужаса, и красоты. В смерти нет одежд, одна голая обнаженность, беспомощность голого взгляда. Но ничто не вечно под луной. Обнаженность требует плоти, и, конечно, ее получает. Жизнь всегда отвечает

взаимностью, пустота, что жаждет формы.

Но быстрый переход от смерти к пробуждению оставляет обнаженность котеночка там, где она и была, не прикрывая ее ничем. А чем обычно мы прикрываем котеночка? Пивом, сигаретами, знанием – кто, как, зачем и почему, одеждой, возрастом, жизненным опытом, уверенностью в завтрашнем дне, женитьбой, отрыжкой, похотью. Автобусом, пытками, коньяком. Да всем, чем угодно. Главное, чтобы это всё накапливалось день за днем, год за годом, постепенно, закрывая небо, солнце и голое сердце, скапливалось, тлело и смердело, окутывало, прятало и нашептывало. Но главное тут, конечно, в постепенной неспешности одного перцептуального процесса. Который заворачивает котеночка в папье-маше, а потом лепит из этого папье, что угодно. Попечителя лепрозория, кардинала или физика-лирика, едрить его мать.

Но поразительная невероятность случая – а вот у нас в деревне еще был случай! – как раз в этом мгновенном перемещении котеночка из объятий жизни в смерть и тут же – в новую жизнь. Без пауз. Без беспамятства рождения, ползания и сосания, пускания пузырей, обсирания, забвения и ора. Сразу. На раскладной диван с продавленной подушкой под ногами, на раскладной спинке одного дивана. На балконе-лоджии, в лето, кричащее лето юности. Охереть можно. Что я и сделал.

Глава 2

Я всегда был, как это говорят, не от мира сего, хотя, до по времени, это было не так заметно. В каком-то смысле, эта странность пряталась за обычными одеждами желаний: девушки, портвейн, рок-музыка, походы, костры и – море. Море было искусственным, в смысле, водохранилищем, но для нас оно было морем – своего рода копией и напоминанием о настоящем море-океане, соленом, полном тайн и чудес. Наше море было пресным, мутным от ила и песка, свободным от крабов, ракушек и прочих красотостей. Я нырял с открытыми глазами, силясь рассмотреть хоть что-то интересное, но самым интересным оставался девичий зад, затянутый в плавки, в которой можно было врезаться со всей дури, с криками и хохотом. А что? Тоже себе планета – жопа девы. Или целое созвездие.

Берег моря тянулся песчаным пляжем, но мы любили ходить на обрывы – где сосновый лес подходит к воде, обрываясь вниз метров на 5 песчаными склонами. Мы самозабвенно рыли в них пещеры, прыгали вниз, съезжая по вертикальным склонам, сооружали из огромных коряг корабли и вели морские сражения друг с другом, сидя верхом на деревянном драконе.

Самое дорогое, что может быть в жизни – это я, настоя-

ций, а не выдуманный, продиктованный, объявленный, прописной, вымученный, построенный, вдолбленный указками ёбнутых учителей с выпученными от страха глазами. К счастью, в жизни всегда есть место настоящим учителям, тем, кто смотрит на тебя, пытаясь увидеть, смотрят, не зная, кто ты, но желая узнать, взглядом своим создавая пространство твоего самотворения.

Дело в том, что этот самый «настоящий я» – вовсе не жалкий котенок, как может показаться от глупости. Это сама жизнь – голая и безумная, яростная и беспомощная, соглашающаяся на любой призыв, ввязывающаяся в любое приключение, неостановимо прекрасная, беспощадно хохочущая, сочувствующая и жестокая, растущая во все стороны разом, всегда, зеленым побегом сквозь асфальт, неудержимо. Здесь в пору вспомнить Лао Цзы, который любил повторять, что слабое и податливое побеждает твердое и крепкое. Эту истину постичь непросто – мы заточены на усилия, дабы выжить. Доспехи твердости и крепости похожи на многослойную луковицу, которая проросла нас насквозь, став – кровь от крови, плоть от плоти, движением души как душа.

В случае бытия человеком, слабая податливость жизни оказывается завернутой в столь плотный кокон выдумок, теорий, желаний, страхов и надежд, что на его распелёнывание уходят вереницы столетий. И такой, казалось бы, естественный процесс – вспоминания себя – оказывается почти недостижимым. Невероятно! Но факт.

Живая суть толкается, как плод, в утробе мутных смыслов и желаний. Природа обманывает сама себя, отдаляя момент встречи лицом к лицу с помощью отклоняющих импульсов, которые делают путь от себя к себе длинным и извилистым квестом в сто миллионов уровней, каждый из которых хрен пройдешь.

В этом смысле гениальное изобретение искателей незапамятных времен – безмолвная неподвижность – бьет в самую тютельку. Достаточно сесть неподвижно и перестать говорить и делать что-либо... Что остается? Правильно – остаюсь я. Больше – ничего.

Есть только проблема. Даже две. Первая – простая и временная, а вот вторая...

Тут впору вспомнить ночное небо.

Лежа на балконе, я вволю насмотрелся на звезды. А еще потом, в Крыму, на диком берегу, где огни цивилизации не мешают глядеть в черное небо, лежа на огромном камне в спальнике, слыша, как медленно растет гора слева и как шумит море – настоящее, соленое! – справа, можно было падать, медленно падать, как в замедленном фильме, в сверкающую россыпь бриллиантов.

Или августовской ночью на севере, когда уже подмораживает, лежать в пуховике на бревнах, глядя на млечное покрывало Пути и Большую Медведицу.

Первая проблема заключается в том, что бездеятельность оказывается недостижимой. По крайней мере, первое вре-

мя – десять, сто, тысячу лет. Недостижимость временная, но пытается показаться вечной. Это всегда так. Лживые правители образуются сами собой – это блики света, отражения, игра тьмы и осколков. Блик не в силах ничего придумать или изобразить, он лишь всегда копирует то, отражением чего является – свет.

Подделку обнаружить легко, если посмотреть, но тут нас – людей – ждет коварный трюк. Для этого нужно остановить свой взгляд – хотя бы на мгновение, а вот его – в смысле, мгновения, всегда не хватает. Взгляд прыгает, как сбесившаяся макака – от одного к другому, третьему, десятому, тысячному, - и всегда чего-то ждет. Чего же? Чуда, блять! Чего же еще?

Взгляд ждет чуда, освобождения, наслаждения, счастья, едрить его мать!

Времени нет даже чтобы бросить взгляд на сам образ счастья, мы, по большому счету, не знаем, что ждем и ищем. Некогда думать, некогда! Трясти нужно пальму жизни, в страстном ожидании, что свалится, наконец, на голову кокос чего-то там чудесного – не знаю, чего – от которого станет хорошо. Такой приблизительно бизнес-план у нас в голове. Дурость несусветная, что заметить нетрудно, но... некогда. Поскольку трясти надо.

И вот садишься такой – поскольку устал от этой тряски бесконечной и от вагонов говна, которые валятся в ответ на голову – садишься такой, думаешь, а, ладно, была-не бы-

ла, посижу, помедитирую. И тут проблема номер один встанет во весь рост. Потому что сказано – истинно говорю вам: «Взыскующий истины обретет ее, оставаясь в неподвижном бездействии немом, истинно говорю вам, слушайте, слушайте!». Куда там...

Стоит сесть, закрыть глаза и рот, как волна слов, речей и диалогов, пьес, сцен, сюжетов, страстей пылающих начинается мутузить со всех сторон. Только успевай уворачиваться. Бесплезно! Отколошматят так, что мало не покажется. Могучий поток деятельности, требующей внимания и исполнения, оказывается, течет как вселенский потоп! Не только сандалии влагой напитает, до кишочков промочит, можете не сомневаться. Да уж.

Помню, работал я в университете, а должность была такая: руководитель студии импровизационных искусств. Тут были и лекции по древнекитайской философии (Лао Цзы и И Цзин), и по музыкальному авангарду XX века, а еще класс по композиции (музыкальной) и – перформансы.

Искусство перформанса меня привлекло как способ самосозерцания, достижения этой самой внутренней тишины простым и элегантным образом, без суеты. Медитация в действии, в точности как учили дедушки чань-буддизма.

Перформанс как спонтанное сосредоточение в действии добрался до меня через музыку. Сначала рок, потом – джаз, потом – авангард, импровизация, перешедшая в спонтанность. Тотально спонтанное музыкальное действо, без нот,

подготовок и договоренностей. Причем, коллективное. Это так интересно – одно дело, когда ты один играешь без планов и партитур, а другое – когда впятером. Например. Сосредоточенное вслушивание в тишину, пока она не родит звук. И, вот, когда звук уже рожден и звучит в голове, его звучание должно дойти до невыносимости небытия и тогда – рождение звука.

Вот так, поиграв и помузицировав, я сообразил: «А почему только звуки? Есть еще краски, бумага, дерево, гвозди, огонь и зеркала!».

А еще название подкатило. Типа, крик души: «Хочу жить вечно!».

План был такой: сооружение композиции из свечей, звуков, кусков дерева и гвоздей (спасибо за идею Гюнтеру Юккеру, альбом его приключений как раз поступил тогда в мою библиотеку), бумаги, гуаши, разбитой колбы и черной нитро-краски, а также фигуры художника (куда ж без него, родимого) в центре всего. Дело планировалось неспешное, часов на 6-8, как и оказалось. Излишне говорить, что вся эта свобода происходила прямо в коридоре университета, рядом с хоркласом Студклуба. Воистину, революционные были времена – 1989, 1990, 1991 годы.

Когда ползаешь молча (мне даже пришлось написать специальный плакат, который висел во время перформанса: «Я работаю и не разговариваю ни с кем», поскольку заинтересованная публика распиралась вопросами на тему: что здесь

происходит? И: что это значит? Как будто можно им было все объяснить. Как сказал бы Александр Иванович Введенский: «Происходит так, что, вот так»). Так вот, когда ползаешь молча по полу, сколачивая деревянные бруски, покрывая гуашью полотно ватмана 5 на 5 метров, ударяя в колокол (время от времени), зажигая свечи, вколачивая гвозди, расставляя готовые фигуры, думать совершенно некогда. Некогда спорить с негодяем, который обидел тебя бог знает сколько колов времени назад. Некогда что-то кому-то доказывать или убеждать. Это как с уловкой конспектирования лекции: писать нужно, чтобы полностью сосредоточиться на тексте, который пишешь. Так работает письмо. Сосредотачивает целиком. Без остатка. А тут – ты пишешь целую объемную композицию. Собираешь конструктор. Строишь из кубиков замок. Никуда не торопясь. Идеально. Полное безмолвие обеспечено на много часов.

Забавно, что я тогда обрился почему-то наголо, а на спину черной водолазки пришил кусок ватмана формата А3 с надписью «НЕТ» – в качестве ответа особо активным вопрошателям по поводу смысла и сути происходящего.

Вот тут-то и вылупляется причина нашей запутанности, нашей невозможности продохнуть под грузом: смысл. Проблема именно в смысле, точнее, в нашей непоколебимой убежденности в необходимости одного во всем.

Само собой разумеется, эта убежденность не дает и секунды свободного времени, чтобы в ней усомниться или хотя

бы задаться вопросом: «А нахера?» или: «Откуда, черт побери, взялась эта ярая вера, что во всем, что я делаю, должен быть смысл? В смысле?». Увы. Роскошь задаться подобным вопросом недоступна бедным людям по умолчанию. Хотя, она сваливается, рано или поздно, в качестве ответа на многочисленные вопли: «За что!? Боже, почему именно я!?!».

Потому.

Сам вот гляди. Разбирайся. Не маленький.

Глава 3

РАЗГОВОР

*Возьмем мы мира описанье
И разберем его мерцанье*

КОТЕЛ:

Что во мне так булькает? Или это – хлоп?

Или это жлоб?

Или, может быть, Иван Иванович здесь изволили прилечь?
Неужели?

КОСТЕР:

Ты мне тут не перечь.

Я сам для себя маятник.

Поди-ка лучше на базар,

Купи себе памятник смысла,

То есть – коромысло.

КОРОМЫСЛО:

Мы тут с вами рассуждаем, как люди.

Просто беда. Просто еда.

Кто ж этому поверит?

Никто.

НИКТО:

Да, пожалуй, поверить во все это сложно.

Тут – либо прощай, калитка,

Либо – отвечай, микитка,

А остальное, друзья – все ложно,

Истина у нас во дворе зарыта.

Когда заходишь в ворота,

То поворачивай налево,

Там увидишь дивное древо.

Спроси у него: «Как дела?»

И слушай, что отвечает.

Потом покатай ногой мячик.

Если он отскакивает прямо,

Значит, это лесная поляна.

Если отскакивает влево,

Значит, ударься лбом о полено.

Выслушайте, вещи, мои наставления,

Узрите в них богоявление.

Главное, не поймите меня неправильно.

И будет вам просветление.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.